18+

Валерий Федорович Красовский

Письма из прекрасного далека

Книга пятая. Возле города семи палаток

Валерий Федорович Красовский

Письма из прекрасного далека. Книга пятая. Возле города семи палаток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507961
ISBN 9785449064998

Аннотация

В книге как в художественной форме, так и в хроникально-документальном стиле описан период человеческих взаимоотношений на одном из полигонов в Семипалатинской области в период с 1973 по 1977 год.

Содержание

НАЧАЛО 5
У ВОЕНКОМА 16
В ГОРОДЕ СЕМИ ПАЛАТОК 19
ДВУХГОДИЧНИКИ 22
НА МЕСТЕ СЛУЖБЫ 26
БОЛЬНОЙ ОФИЦЕР 31
ТЕЛЕГРАММА 37
НЕ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Письма из прекрасного далека Книга пятая. Возле города семи палаток

Валерий Федорович Красовский

© Валерий Федорович Красовский, 2018
ISBN 978-5-4490-6499-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАЧАЛО

Упаковав, приобретенные еще в студенческие годы атласы и прочие книги по хирургии, а также монографии по терапевтическим дисциплинам жены-однокурсницы, защелкнув замки на чемодане, поставив на него радиоприемник «Спидолу», Камский Игнат сел на тахту и стал ждать прибытия вызванного такси.

– Ничего не забыл? Диплом, паспорт? – глянув сочувственно на небогатый скарб молодых врачей, вчерашних интернов, спросила хозяйка трехкомнатной квартиры Елена Павловна тоже медик, работавшая в поликлинике гинекологом и сдававшая им одну комнату по доброте своей души. Когда ее муж Семен Исаевич вернулся из командировки и увидел в своей обители пополнение в лице Камского и его молодой спутницы жизни Сильвии, то тихо уже за полночь устроил своей половине головомойку. Выгонять все же квартирантов не стал, позволив им пережить оставшиеся два месяца зимы и три месяца весны, то есть до окончания обучения в интернатуре.

– Вроде бы нет, – ответил Игнат. – Вам спасибо за то, что приютили, иначе мы бы так и обитали с Сильвией по разным адресам.

– А как дела у нее? Сильвия. Имя то какое редкое!

– Она уже у родителей.

– Когда у нее срок родов? – с профессиональным интересом поинтересовалась Елена Павловна.

– В начале осени.

В это время в соседней комнате зазвонил телефон. Послышался короткий разговор, затем вышел Семен Исаевич и сообщил:

– Звонили из диспетчерской, такси выслали.

Через минуту-другую в дверь постучал водитель. За один раз все связки книг Камскому не удалось забрать и ему пришлось еще раз возвратиться.

Ну, счастливой дороги! – пожелала ему напоследок хозяйка. – Долгой, интересной вам жизни и удач.

Миновав городские улицы и выехав на широкую магистральную трассу, «Волга» помчалась в сторону областного центра. Игнатом овладело сладостное ощущение свободы, душа его пела, фантазия рисовала картины счастья и он, поддавшись своим видениям, стал улыбаться.

– Судя по книгам, вы медик? – вывел Камского из ощущения блаженства таксист.

– Да, интернатуру по хирургии проходил в вашем городе.

– А где продолжите врачебную практику, если не секрет?

– В армию призывают.

– Вот как! – удивился собеседник. – И кем там придется служить? По специальности?

– Неплохо бы получить сразу хирургическую должность в госпитале, но обычно все начинается с работы в батальоне.

– А навыки не потеряете? – продолжал допытываться водитель. – Ведь хирург, как пианист, нуждается в практике.

– Думаю, что неподалеку будет медицинское учреждение, где можно будет ассистировать, кроме того буду заниматься амбулаторной хирургией и диагностикой.

– Я не полностью улавливаю смысл вашей профессиональной терминологии, но понятно, что у вас все уже продумано.

– Жизнь подскажет. А вы давно таксистом работаете?

– С полгода.

– А раньше?

– Инженером.

– Вот как! – удивился Игнат. – А почему переменили профессию?

– Деньги на квартиру собираю. На прежней должности для этого жизни не хватит.

– Да жилье – это главное для семьи, – согласился Камский.

– Ну, тебе не надо переживать по этому поводу. Офицерам в армии выделяют либо общагу, либо другое служебное помещение.

– Казарму что ли?

– Ну, сейчас не то время!

Но, как потом увидел лейтенант медицинской службы Камский, некоторым военным приходилось проживать с семьями в весьма трудных условиях, где казарменное помещение было на первых порах не худшим вариантом семейного быта.

Вскоре машина завернула на улицу, где находился дом родителей Сильвии, располагавшийся в частном секторе города среди множества других похожих строений. Это были в основном деревянные домики под двускатными крышами, покрытыми шифером, с печным отоплением. Домовладельцам в те годы о централизованном газоснабжении можно было только грезить. Зимой жилища обогревались дровами и торфяными брикетами. Что-то можно было приобрести в городском топливном хозяйстве по предварительной заявке и фиксированной цене. Но выделенного горючего материала, чтобы продержаться зиму, не хватало, поэтому запасались им кто как мог. Летом и особенно в осенний период по воскресеньям и в праздничные дни на улицах можно было часто видеть машины, груженные дровяными чурками.

– Остановитесь у калитки сразу за автобусной остановкой, – попросил Камский.

– Там, где березовые дрова лежат? – уточнил таксист.

– Да.

Игнат расплатился с водителем и выгрузил вещи. Таксист тут же уехал. Взяв чемодан и самую увесистую связку книг, Камский направился к дому, поднялся на крыльцо и нажал на кнопку звонка.

– Ну, с прибытием! – приветствовала его мама Сильвии.

– Здравствуйте, Вера Тимофеевна! – ответил Игнат и поставил на пол свой груз.

– А Сильвию положили на сохранение. Сегодня утром.

Она тебе записку оставила.

– Что-то серьезное?

– Нет, но врач женской консультации рекомендовала.

Игнат знал, что роды на восьмом месяце беременности по статистике более неблагоприятны, чем даже на седьмом, поэтому понял озабоченность участкового специалиста.

– Я ей вкусненький суп сварила и собиралась навестить. Яблоки и ягоды приготовила.

– Вы оставайтесь дома, я сам все отнесу. У нее постельный режим. Вас в отделение могут не пропустить. У меня есть сменная чистая больничная спецодежда, и я пройду.

– Давай вначале пообедай.

– Я сыт. Вы все соберите для Сильвии, а я принесу оставшиеся вещи.

У Сильвии был старший брат, который только что переехал с двумя детьми в отдельную квартиру и звонкоголосый дом притих. Сильвия была вторым и поздним, поэтому любимым ребенком. Вере Тимофеевне было за шестьдесят, и она находилась на пенсии, правда иногда брала подработки в школе по предмету географии и смежным дисциплинам. Отец Сильвии Константин Николаевич еще продолжал трудиться в техникуме. Правда в последнее время сдал, часто жаловался на боли в сердце и состоял на учете у кардиолога.

Для Сильвии, когда она пошла в школу, выделили самую маленькую комнату в доме, в которой вначале была детская кровать, этажерка, специальный ученический стол с элек-

тролампой, приделанный к стене, со складной плоскостью для размещения тетрадей и книг и круглый винтовой стул. В этой комнатке она делала домашние задания и наполняла ее своими фантазиями. Когда Сильвия подросла, ей купили тахту, торшер и две навесных полки для книг. Впоследствии в своей комнатушке она изучала институтские дисциплины. Записка от Сильвии лежала на столе. Игнат развернул ее и прочел: «Игнат, извини, что не дождалась, пока ты приедешь. Но надо спасать нашего ребеночка. Появились неприятные чувствительные схватки. Наверное, переволновалась, готовясь к экзамену. Пришлось лечь в отделение патологии беременности. До встречи!»

– Здесь все, что она просила из туалетных принадлежностей и одежды, а тут продукты, – Вера Тимофеевна вручила Игнату два полиэтиленовых пакета. – О, чуть не забыла! Вот еще тетрадь и авторучка.

Игнат доехал на автобусе до роддома. В приемном отделении дежурной медсестре представился практикантом, переоделся и поднялся на третий этаж в отделение патологии беременности. На посту узнал, в какой палате находится Камская Сильвия Константиновна, и тихонько появился возле ее кровати. Сильвия обрадовалась. Игнат передал ей пакеты.

– Как ты доехал?

– Нормально. Все привез, оставил в твоей комнате.

– У нас здесь строгий режим и посещения запрещены, так что долго не задерживайся, – предупредила Сильвия, заме-

тив любопытные взоры в их сторону внешне безразличных соседок по палате. Все передачи через приемное отделение.

– Когда тебя призывают?

– Пятого августа уже нужно быть в части.

– Так скоро! Может тебе попытаться взять отсрочку на пару месяцев?

– Я об этом думал. Пойду завтра в военкомат. Твои родители купили машину дров. Думаю, что за несколько дней поколю их и перенесу в сарай.

– Ладно, не задерживайся. Обход профессора приближается.

Игнат нежно обнял и поцеловал Сильвию, а затем бесшумно исчез за дверью.

Назад он решил возвратиться пешком. Шел по улице, потом свернул во дворы. В небольшом дворовом скверике сидел пьяный мужичок и что есть мочи орал песню: «Тот кто пиво пьет, с удовольствием живет, у того же, кто, винцо, очень красное лицо, потому милиция вся такая краснолицая…»

Похоже, что кто-то уже успел вызвать таковую, потому что к нарушителю тишины приближались двое в милицейской спецодежде: один в звании сержанта, у второго была ефрейторская лычка. Они подошли к мужичку. Ефрейтор приподнял его со скамейки. Мужичок стоял, пошатываясь. Затем он разразился длинной нецензурной тирадой в адрес державшего его за руку милиционера, начал вырываться, затем поте-

рял равновесие и начал падать, увлекая за собой стража порядка, ударился головой и рассек себе кожу на лбу. Из ранки потекла кровь. Камский подошел к пьяному человеку.

– Посадите его на скамейку, я осмотрю, – сказал он милиционерам.

Пострадавшего приподняли и усадили.

– Вы врач? – поинтересовался сержант.

– Да.

Из окон посматривали любопытные пенсионерки. Ефрейтор по рации вызвал скорую помощь. Через несколько минут «певца» забрали медики.

Миновав площадь перед колхозным рынком, Игнат перешел улицу и сел на трамвай. На своей остановке, выходя из открывшейся двери, он чуть не наступил на лежащего человека, ноги которого располагались примерно в метре от трамвайного рельса, а вытянутая вперед правая рука в двух шагах от проезжей части автомобильной дороги. У доктора Камского опять сработал профессиональный инстинкт, и он присел на корточки возле лежачего мужчины, чтобы оценить его состояние. Человек сладко спал, похрапывая. Лицо его было покрыто младенческим румянцем, губы в такт выдоху мягко выстреливали: «Пу-у… Пу-у…». Зрачки были одинакового размера и живо реагировали на свет, повреждений на голове, туловище и конечностях Игнат не обнаружил. «Если он попытается встать, то может попасть, либо под трамвай, либо под автомобиль, – мелькну-

ла мысль. – Надо бы его перенести вот на тот газон перед домом». Игнат встретился взглядом с мужчиной, ожидавшим нужный ему трамвай. Это был крепыш среднего роста, примерно пятидесяти лет, одетый в серые брюки и клетчатую рубашку на выпуск с коротким рукавом, на ногах его были коричневые потертые сандалии.

«На трамвайной остановке человек лежал в пыли…», – начал он весело декламировать какую-то прибаутку, но Игнат перебил его тираду:

– Давайте перенесем мужичка в тень на траву под теми кустиками возле дома.

Поборов секундное сомнение крепыш согласился. Они приподняли спящего, тот сразу обнаружил признаки сознания:

– Куды вы мяне тассыте? Я щас подымуся и сам пойду!

Но самостоятельное передвижение ему давалось с трудом. Вскоре человек на подпитии уже лежал в тени живой изгороди возле ближайшего дома. Над кустами висел балкон второго этажа, в котором стояла седая женщина, наблюдавшая сверху за всем происходящим.

– Зачем вы принесли его под мой балкон?! – громко возмутилась она.

Крепыш в клетчатой рубашке, глядя на даму на балконе, снова возвратился к лирике:

«На трамвайной остановке
Человек лежал в пыли;

На троих он взял «зубровки»,

Ну, а двое не пришли».

Дама по-своему восприняла шуточную рифмовку:

– Так, значит это вы те двое, которые не пришли вовремя. Подвели своего товарища, а теперь проявляете заботу.

– Нет, мы совершенно случайные люди. Я врач, – ответил ей Игнат.

Женщина на балконе изобразила на лице гримасу презрительного недоверия.

Затем Игнат обратился к лежащему на траве в блаженной позе человеку:

– Сообщите, пожалуйста, свой адрес и номер домашнего телефона.

Только в процессе нескольких попыток удалось выяснить жизненные координаты подвыпившего существа. Крепыш возвратился на остановку.

– Вы не могли бы позвонить вот по этому номеру? – попросил женщину Игнат и назвал цифры.

– Мне что нечего делать? – возмутилась раздраженно женщина. – Пусть такими забулдыгами милиция занимается! – Но потом, посмотрев в лицо Игнату, неожиданно смягчилась: – Ладно, назовите еще раз, я запишу, а то у меня память плохая.

По тропинке между дворами с папкой под мышкой торопливо шел участковый милиционер. Последний акт жизненного представления он уже видел воочию, поэтому напра-

вился прямо в центр событий. Подойдя к лежащему на траве мужчине, он с досадой произнес:

– Ну, что Брыль, мне с тобой делать? Опять напился до невменяемого состояния.

– Это меня от жары разверезло, – с трудом ворочая языком, оправдывался лежащий человек.

В тот момент на балконе снова показалась седовласая дама.

– Я дозвонилась. Его жена ответила, что этот троглодит ей не нужен и за ним она не придет.

– Отправлю я тебя в медицинский вытрезвитель. Штраф заплатишь. Как ты на это смотришь? – продолжал участковый.

– Товарищ, начальник, не надо. – Начал приходить в себя Брыль. – Я же законно… законно.. послужной человек. Я пить брошу! Даю честное слово.

В это время к уже сидящему Брылю подбежал худощавый подросток:

– Отец, ты зачем опять напился? От аванса что-нибудь осталось?

– Да. Вот! – и глава семьи, достав непослушной рукой несколько смятых денежных купюр из грудного кармана, протянул их сыну, затем с его помощью поднялся и, опираясь на худенькие плечи подрастающего поколения, неуверенно зашагал к дому.

У ВОЕНКОМА

Утром следующего дня Игнат направился в городской военный комиссариат, из которого ему выслали предписание. В документе был указан географический район назначения и срок прибытия к месту приложения полученных в институте навыков.

– Товарищ подполковник, разрешите войти! – приоткрыв дверь к комиссару, спросил Камский.

– Заходи, лейтенант медицинской службы. Мне дежурный доложил, что ты по личному вопросу.

Что случилось?

– В начале августа я должен быть в части, а жена находится в роддоме. Ей через полтора месяца надо рожать.

– Так что ты хочешь от меня?

– Нельзя ли получить отсрочку на пару месяцев?

– У твоей жены родители есть? Да. Пенсионного возраста. Отец ее продолжает работать, когда не лечится в кардиологии.

– А где они проживают?

– В этом городе у них свой дом.

– Беременность жены не является уважительной причиной для отсрочки от призыва. Но давай поразмыслим. Ты закончил обучение…

– Интернатуру.

– Да, интернатуру. Тебя уволили. Подъемные сможешь получить только в части. На какие средства будешь жить сам, и содержать жену?

Игнат едва изобразил попытку сказать, как военком его перебил.

– Понимаю, что помогут родители твои, ее. Но ведь вы не иждивенцы, а вполне самостоятельные взрослые люди. Будешь присылать жене деньги почтовыми переводами. Через три-четыре месяца заберешь ее вместе с ребенком, а там, гляди, и в армии решишь остаться.

Военком задумался, затем встал и закурил.

– Приказ министра обороны я нарушить не имею право. Институтских выпускников не наш комиссариат призывает. Мы только выполняем указание свыше.

– Понятно. Придется ехать.

– Привыкай к сложностям жизни доктор. Желаю удачи!

Время отпуска пролетало стремительно. Игнат каждый день навещал Сильвию. В условленное время она подходила к окну и бросала ему записки. Женщины, которые лежали подолгу, чтобы не беспокоить чопорных и ворчливых санитарок приемного отделения своими просьбами, пользовались бечевками, на которых спускали из окон своим мужьям или родственникам, навещавшим их, пустую тару, а обратно втаскивали принесенные авоськи. Для Сильвии они также подняли несколько передач с дополнительным питанием.

В один из погожих дней Игнат навестил своих родителей,

искупался в озере, а вечером снова вернулся в город. Сильвию отпустили на пару дней домой. У Игната в кармане уже лежал купленный билет на самолет из Домодедовского аэропорта. Почти всю ночь перед отъездом Игната они проговорили, обсуждая дальнейшие планы и возможные схемы развития событий. Было грустно.

В ГОРОДЕ СЕМИ ПАЛАТОК

Самолет приземлился в Семипалатинском аэропорту. На автобусе Игнат доехал до автовокзала областного центра. Затем отыскал пересыльный пункт. Там была оборудована гостиница казарменного типа для прибывающих военнослужащих. Это было совершенно неприметное здание, похожее на множество других строений. До эшелона, отравлявшегося на полигон, где была конечная остановка, еще оставалось несколько часов, и он решил прогуляться по ближайшим переулочкам. Было жарко и сухо. «За тридцать градусов, – прикинул Камский. – Надо было бы купить лимонада на дорогу». В одном из простеньких магазинчиков со скудным ассортиментом ему удалось утолить жажду газированной водой с сиропом и приобрести бутылочку «Ситро». Продавцом была тучная, круглая, как шар, женщина с лоснящимся от жирового налета матерчатым фартуком. Она работала, как автомат, отпуская товар с тупым и безразличным взглядом, в котором читалось: «Поскорее бы домой!» За стойкой в углу магазина распивал бутылку жигулевского пива худощавый мужчина с всклокоченными волосами на голове и одутловатым лицом, поросшим черной щетиной слегка окрашенной сединой. На его круглом столике лежала растерзанная на множество частей вобла.

– Присоединяйся! – взглянув на Игната, сказал любитель

пива и двинул рукой пустой грязный стакан.

Игнат отрицательно покачал головой и вышел на улицу. Жара снова дохнула в лицо. Жилые корпуса, которые можно было назвать «многоэтажными небоскребами» находились в центре. Асфальтовое покрытие было только на основных магистралях. Когда машины сворачивали в проезды и переулки, то вздымались клубы пыли. Набравшись впечатлений, Камский возвратился в гостиницу. Он взял у дежурного ключ, зашел в свою комнату, подошел к выделенной для него кровати и прилег на несколько минут. Когда усталость прошла, достал и открыл чемодан. В глаза сразу бросилось, что вещи лежат не так, как он их укладывал. Мелькнула мысль о воровстве. Но все было на месте. В это время в помещение вошел офицер в звании капитана.

– Рудаков, – представился он и протянул руку.

– Камский, – ответил ему Игнат, пожимая шершавую ладонь капитана.

– На службу?

– Да, на два года.

– Поздравляю. Значит припахали. А что заканчивал.

– Медицинский институт с военной кафедрой.

– Значит уже в офицерском звании. А по профилю кто?

– Хирург.

– О, серьезная профессия! А на какую должность, если не секрет?

– В предписании указана только часть.

– Номер не помнишь?

Игнат назвал.

– Так это к нам, в строительное управление. Скорее всего, будешь батальонным врачом. Ну, в общем, ты не прогадал. Зарплата, плюс звание, плюс полигонные надбавки… Московское снабжение. С жильем особых проблем нет.

– О хирургии можно забыть, я так понимаю.

– Ну почему? У нас есть гарнизонный госпиталь.

– И какие операции там делают.

– В этом вопросе я не «Копенгаген», – стандартно пошутил собеседник.

Затем Рудаков достал из-под соседней кровати точно такой же чемодан, как у Игната, открыл и начал укладывать в него купленные вещи.

«Наверное, перепутал с моим баулом,» – подумал Камский, усмехнувшись своим подозрениям.

Потом была посадка в специальный поезд. Билеты и документы проверялись серьезно, тщательно, внимательно, скрупулезно. Вскоре за окном поплыли полупустынные пейзажи. Через несколько часов на границе бескрайнего полигона, огражденного несколькими рядами колючей проволоки, поезд остановился, и состоялась еще одна проверка. Те, кто случайно по каким-то причинам не был внесен в списки, высаживались из вагонов в небольшое зданьице контрольно-пропускного пункта среди бескрайней степи до выяснения всех обстоятельств.

ДВУХГОДИЧНИКИ

Министерство обороны через областной военный комиссариат прислало заявку в медицинский институт на пятьдесят человек. Именно столько врачей должно было быть призвано на двухгодичный срок, чтобы восполнить дефицит в кадрах. Строгая и придирчивая комиссия проверяла здоровье студентов шестого курса мужского пола. Женщин в те времена к армейской службе в качестве контрактников привлекали редко. Два года срок не большой, но, тем не менее, он ломал жизненные планы. Дети из династических фамилий, как исторически повелось с незапамятных времен, уже забронировали себе места на кафедрах, в клинической ординатуре или клиниках. Рангом пониже должны были заполнить вакансии городских и центральных районных больниц. А выпускники без роду и племени занимали все остальное в глубинках нашей необъятной родины. У сыновей из династических фамилий как то вдруг проявились династические болезни, а вместе с ними и негодность к воинской профессии. Призывали после интернатуры, а это уже было благом. В кармане вместе с дипломом врача общей практики все-таки имелся документ, подтверждающий наличие квалификации по избранной специальности. Но теперь терять, с таким трудом приобретенную практику, по причине двухгодичного перерыва в работе никому из молодых врачей не хотелось.

Гофман был умен, здоров, обаятелен, но надевать погоны категорически не хотел. Когда сдавал анализы, то в мочу сыпнул сахарку, чуток не рассчитал. Был скандал. Дело замяли.

Татьяничев на здоровье тоже не жаловался, но его ждала клиническая ординатура. Надо было срочно искать выход из сложной ситуации. При тщательном анализе родителями детской поликлинической амбулаторной карты была обнаружена положительная реакция Манту. Этот факт и оказался спасительной соломинкой. В последующие годы Татьяничев добился значительного отрыва в научной и практической работе от призванных на армейскую службу «неудачников».

Таких, кто не смог вспомнить о перенесенных в детстве заболеваниях и подтвердить их документально, а также по воспитанию принципиальных личностей, желающих хлебнуть военной романтики, набралось сорок шесть человек. Девять из этой когорты мобилизованных врачей волей случая были направлены в Среднюю Азию на один из военных полигонов в качестве врачей военно-строительных отрядов.

Карелин Леонид был женат на однокурснице Анне. Они при распределении выказали желание трудиться в родных местах, и были направлены в районный центр. У них родился ребенок, девочка. К моменту призыва отца ей еще не исполнился год. Карелин отслужил положенный срок и вернулся домой.

К Иванникову на полигон через несколько месяцев приехала жена, также однокурсница. У них вскоре родилась дочь. Иванников продлил контракт армейской службы.

Романчук не был официально женат, но через некоторое время получил телеграмму о рождении у него сына. По окончании двух лет уволился.

Вересов приехал на полигон сразу с женой и полуторалетним сыном. Два года прижили в общежитии и вернулись на родину.

Марченко не был женат. В одной из частей познакомился с женщиной, у которой был ребенок, и оформил с ней брак. Продлил контракт.

Благинин прибыл к месту службы, оставив жену с сыном у родителей. Через несколько месяцев был вместе с частью переведен на север. Через два года уволился.

Новоселов, оставив жену дома, отслужив по контракту, уволился.

Кононов романтически добился ответных чувств у однокурсницы, женился. Привез спутницу жизни на место службы. Вскоре у них родился сын. Продлил контракт.

У Камского спустя месяц после призыва родилась дочь. Через полгода семья переехала на полигон в Среднюю Азию. Продлил контракт.

Я рассказываю о событиях, связанных с реальными людьми, но фамилии действующих лиц изменены. Если кто-то из читателей найдет нечто личное в этих повествованиях,

то прошу это считать случайным совпадением. Перед вами текст художественного произведения, а не летопись.

НА МЕСТЕ СЛУЖБЫ

На конечной остановке состав опустел, и пассажиры стали рассаживаться по машинам. Вновь прибывших офицеров, среди которых был и Камский, отвезли в общежитие. Игнат сразу же встретился с Карелиным и Романчуком. Однокурсники за годы совместного обучения сближаются и становятся одной духовно-идейной командой. Те же, с которыми довелось обитать в одной комнате общаги несколько лет кряду, начинают числиться наравне с родственниками. Поэтому понятна и объяснима взаимная радость при встрече таких людей. Вскоре все из призванных однокурсников, кто не был в командировке, собрались в комнате у Вересовых и организовали веселое застолье с воспоминаниями и шутками. И лишь, когда маленькую дочь гостеприимных хозяев стало клонить ко сну, все тактично разошлись.

В пять часов утра в офицерском общежитии послышались первые осторожные шорохи и стуки. Молодые командиры взводов из числа лейтенантов по уже устоявшемуся жизненному регламенту должны были прибывать в подразделения за несколько минут до подъема, чтобы, как говорили их старшие товарищи, видеть воочию морально-боевой дух и физическую готовность своих подразделений. Подъем, по их мнению, это тест. Недаром бытует выражение: «не с той ноги встал». Врачам столь раннее прибытие к месту службы

не было обязательным, но доктор Камский решил сразу ознакомиться с суточным жизненным циклом части, в которую был направлен. Командир части подполковник Шустов Иван Дмитриевич и начальник штаба капитан Фомин Николай Павлович уже были на месте.

– Лейтенант медицинской службы Камский. Прибыл для прохождения службы в вашу часть, – представился Игнат и вручил документы Шустову.

– Ну, здравствуй, доктор! – развернув удостоверение и прочитав предписание, доброжелательно произнес Шустов. Значит Камский Игнат Павлович. Мы тебя уже ждали. Фомин, поставьте на все виды офицерского довольствия. А вас, доктор, прошу ко мне.

Игнат последовал за подполковником Шустовым. Кабинет командира части был по-деловому прост. В нем были два стола один впритык к другому в виде буквы «Т», стулья, металлический грубой работы сейф, узкий шкаф наподобие серванта для книг, папок с документами и нескольких кофейных и чайных чашек. Сразу слева от входа стояла переносная металлическая самодельная вешалка на трех ножках. На стене висели портреты генсека, министра обороны и масштабная карта Средней Азии. На столе стояли три телефонных аппарата.

В это время зазвонил один из них:

– Подполковник Шустов у телефона.

Был длинный монолог телефонной трубки и краткое за-

вершение Шустова: «Есть, товарищ полковник!» Командир части на минуту погрузился в размышление, что-то написал в отрывном календаре, затем подошел ближе к прибывшему врачу и спросил:

– Когда закончил академию?

– Я после медицинского института. Окончил в прошлом году.

– А чем занимался это время.

– Проходил интернатуру.

– Это что такое?

– Годичная специализация по хирургии.

Игнат предъявил удостоверение о присвоении квалификации врача-хирурга.

Прочитав документ, Шустов вернул его и сказал:

– Это хорошо, но у нас специфика работы будет другая. Даю тебе три дня на ознакомление с частью, документацией и жду подробного доклада. И последнее. Твое семейное положение.

– Женат. Через месяц должен родиться ребенок.

– Да… Непростая ситуация. А супруга по профессии кто?

– Терапевт. Она моя однокурсница.

– Выходит вместо одного мы сразу двоих специалистов получили.

Лицо Шустова, принявшее озабоченное серьезное, выражение после разговора с начальством, только теперь посветлело.

– На утреннем построении я тебя представлю личному составу. Ну, и вперед! За работу!

В прямом подчинении и лейтенанта медицинской службы Камского был опытный фельдшер прапорщик Сюртук Вадим Аркадьевич и санитар Ерошин Александр. В части за ним укоренилось прозвище Сашка. Мать его была чувашка. Отца он своего не помнил. Звали его якобы Николай. Со слов матери их кормилец погиб на стройке. Возможно, что это была легенда, а на самом деле он просто сбежал от сложностей семейной жизни. Кто знает? После медицинского училища Сашку сразу же призвали в армию. Он был маленького роста, лицо веснушчатое с узко посаженными глазами и выступающим вперед горбатым носом, немножко сутулый, ходьба выдавала наличие плоскостопия. Ну, куда такого? Ни в воздушно-десантные войска, ни в морскую пехоту, ни в мотострелковые части, ни в танкисты, куда он просился, его не взяли, а вот стройбат – в самый раз. Он был исполнительным, терпеливым и не гнушающимся грязной работы солдатом, нареканий со стороны Вадима Аркадьевича не имел.

Игнат обратил внимание, что на прием пришло около десятка солдат с гнойничковыми заболеваниями кистей рук. У некоторых из обратившихся за помощью военнослужащих ранки и ссадины превратились в изъязвления, длительно не заживали. Медицинские солдатские книжки были заведены не на всех. Со слов прапорщика Сюртука солдаты

часто теряют свои медицинские документы, или забывают их возвращать после консультаций в госпитале или гражданских специалистов. Не у всех была проведена флюорография, осмотрены стоматологом единицы, сведения о прививках не полные. Офицерские медицинские книжки вообще отсутствовали, так как были розданы их владельцам. В летний период времени эпидемиологическая обстановка в гарнизоне и частях полигона накалялась. Случалось, что развертывали в степи инфекционные палаточные госпитали для изоляции военнослужащих рядового и сержантского состава, заболевших кишечными инфекциями. Медицинский контроль работы столовой был налажен, повара по записям в их санитарных книжках обследованы. «Ну, хоть тут все оформлено правильно, – подумал Камский.

В течение дня он получил обмундирование, аванс, стал на продовольственное обеспечение, устроился в общежитии. Это была комната на двоих. Его соседом оказался однокурсник Эдуард Марченко. Вечером Игнат написал письмо Сильвии и сходил на почту, отправил часть аванса, заказал телефонный разговор. Эта процедура напоминала подготовку к радостному ритуалу. Желающие поговорить с родней оповещали родственников о дате, времени и месте соединения телеграммой с уведомлением о вручении, а затем приходили к условленному времени и ждали, иногда более часа, мгновения, когда телефонистка объявит о начале соединения.

БОЛЬНОЙ ОФИЦЕР

На утреннем разводе Игнат уже был в летней форме одежды, как и другие офицеры, выделяясь разве что новизной обмундирования. Незаметно пролетело несколько дней. С отдаленных точек периодически на короткое время возвращались группы военнослужащих, чтобы отдохнуть, помыться в бане и подготовиться к новой командировке на одну из площадок. На одном из построений лейтенант Камский обратил внимание на высокого худого командира взвода младшего лейтенанта по фамилии Хусаинов и подошел к этому офицеру.

– Здравствуйте! Доктор Камский, врач вашей части, – Игнат протянул офицеру руку.

– Добрый день! Хусаинов Ринат, – ответил тот. – Я сам собирался к вам обратиться, да все нет времени.

– Воспользуемся моментом. Идемте в наш лазарет.

Ринат был ростом один метр девяносто пять при весе пятьдесят восемь килограммов. Подробно расспросив о самочувствии и сопоставив все симптомы, Игнат сказал Хусаинову, что тот серьезно болен. Скорее всего, у него язва двенадцатиперстной кишки, осложненная стенозом, срочно требуется дополнительное обследование.

– Тянуть нельзя.

– Меня командир роты не отпустит.

– Не волнуйтесь, я все решу с Шустовым.

Через день Камский привел Хусаинова в рентгеновский кабинет гарнизонного госпиталя.

– Милый мой! Как же ты истощал, взглянув на вошедшего пациента, воскликнула лаборантка.

Наверное, старослужащие довели.

– Он офицер, – пояснил Камский.

– Неужели! Как же можно дойти до такого состояния? А, вы кто? Что-то раньше я вас не видела.

– Я батальонный врач. Недавно прибыл. Мне нужен ваш заведующий.

– Роман Геннадиевич! Здесь вас спрашивают, – позвала она своего начальника.

Закончив описание снимков, выплыл тучный, с животом, переливающимся то в одну, то в другую сторону, с лоснящимися щеками заведующий рентгеновским отделением. Он был полной противоположностью Хусаинову.

– Лейтенант медицинской службы Камский, – представился Игнат. Вот привел на обследование офицера. Подготовлен.

– А сегодня ваш день?

– Да.

Просмотрев списки частей и, убедившись, что все правильно, Роман Геннадиевич пригласил Хусаинова.

– А вы погуляйте. Через час приходите за результатом.

Доктор Камский решил обойти территорию гарнизонно-

го госпиталя. За годы от момента его развертывания до текущих событий прижились и выросли деревья, различные декоративные кустарники. Почти у каждого растения виднелась водопроводная поливочная система. Пешеходные дорожки были тщательно выметены, бетонные бордюры побелены. Но сухость витала в воздухе. Листья зелени были покрыты тонким слоем пыли. После орошений земля у стволов быстро высыхала и покрывалась трещинами. Над входом в одно из строений Игнат, прочтя надпись «хирургическое отделение», вошел внутрь. К нему тут же подбежала одна из дежурных медицинских сестер и спросила:

– Вы к кому.

– Мне нужен ваш заведующий или ординатор.

– По личному вопросу?

– Нет, я хочу проконсультировать одного больного офицера.

– Николай Иванович и Надежда Викторовна сейчас на операции. Но они уже заканчивают. Подождите вот там, – и медсестра показала на стол и несколько стульев, стоящих рядом с входом.

Долго ждать не пришлось.

– Николай Иванович освободился. Проходите в ординаторскую, – сообщила медсестра.

Санитарка подала накидку поверх одежды и специальные укороченные бахилы для обуви.

– Разрешите! – приоткрыв дверь ординаторской, произнес

Игнат.

– Заходите! – услышал в ответ Камский.

Заведующий хирургией внимательно и оценивающе посмотрел на вошедшего человека, ординатор же Надежда Викторовна только приподняла веки с тонким слоем туши, быстро взглянула и опять занялась оформлением истории болезни, лежащей перед ней на столе. Она так усердно работала авторучкой, что было слышно шуршание бумаги и легкое постукивание пишущего прибора по плоскости стола.

– Я хотел бы проконсультировать у вас одного больного.

– Слушаю.

Лейтенант Камский кратко изложил историю болезни.

– Судя по лексике, вы специализировались по хирургии и прибыли с группой врачей призванных на два года. А вы уверены, что ему понадобится операция?

– Да. По клинике у него запущенный стеноз привратника с почти полным нарушением проходимости.

– И что, никто в части не обратил внимания на этого офицера.

– Выходит, что так.

– А вы сколько отслужили? – Сомов Николай Иванович ко всем, даже санитаркам, обращался, как заметил Камский, исключительно на вы.

– Две недели.

– Хорошо приводите. Я жду.

Игнат быстрым шагом вернулся в рентгеновское отделе-

ние.

– Да, доктор, вы правы. У вашего пациента стеноз привратника, – подавая снимки и заключение, произнес Роман Геннадиевич, затем шумно выдохнул воздух и отер пот со лба.

Несмотря на открытое окно, затянутое марлей, в комнате было душно.

Через несколько минут Камский привел Хусаинова в хирургическое отделение. Сразу после осмотра его и госпитализировали, была назначена дата операции.

– А можно я его прооперирую? – вдруг попросил Камский Николая Ивановича.

Надежда Викторовна удивленно вскинула веки и остановила авторучку.

– Я не сомневаюсь, что ты владеешь техникой операции, и соответствующий документ у тебя есть, подтверждающий квалификацию, но ты не в моем штате, поэтому могу предложить только ассистировать.

Сомов перешел на дружеское ты, и это польстило Игнату.

Камский, уже два месяца не державший в руках скальпель, был рад и этому.

– У меня есть книга Навроцкого И. Н. «Ушивание культи двенадцатиперстной кишки», одна тысяча девятьсот семьдесят второго года издания, – сообщил он.

– А у меня нет. Как тебе удалось ее купить? Тираж был мизерный по союзным меркам.

– Пришла всего одна книга на город, но я первым заказал и первым прибыл в книжный магазин. Другие хирурги продавщицу потом до слез довели.

– Принеси пролистать перед операцией. Не волнуйся, я книги всегда возвращаю, – усмехнулся Сомов, заметив тень сомнения на лице Камского.

Операция прошла успешно. Была произведена резекция желудка. Культя двенадцатиперстной кишки сформирована по методу улитки. Через две недели Рината выписали, и он получил отпуск по болезни. Хусаинов решил не увольняться, а продолжить службу.

ТЕЛЕГРАММА

В один из дней, когда уже чувствовалось дыхание осени, а лейтенант Камский вел прием больных в лазарете, во врачебный кабинет заглянул посыльный из штаба части и сообщил;

– Товарищ лейтенант, вас вызывает подполковник Шустов.

Камский снял медицинский халат, шапочку и направился в кабинет командира части.

– Лейтенант медицинской службы…

– Держи! Это тебе! – Шустов прервал вошедшего доктора и с загадочной улыбкой на лице протянул ему телеграмму.

Неожиданно помимо воли дрогнувшей рукой Игнат взял листок и прочел: «Поздравляем рождением дочери!» Далее шел обратный адрес родителей Сильвии. В те времена еще не было совершенных ультразвуковых диагностических методов исследования, позволяющих определить пол ребенка до его появления на свет, по сей причине интрига ожидания в день родов достигала своей кульминации.

Командир части, наблюдая за Камским, видел, какие бурные чувства сейчас тем владеют. Сердце у Игната забилось в бешеном ритме, ему стало жарко, хотелось одновременно и засмеяться от радости и затанцевать от восторга, и расплакаться от непонятной горечи. Внешне это проявилось только

в секундном замешательстве.

– Прими также мои поздравления! А теперь давай обсудим сложившуюся ситуацию, – выводя доктора из душевной экспрессии, продолжал Шустов. – Ты прослужил уже больше месяца. До конца года осталось еще три с половиной. За каждый месяц службы положено два дня отпуска. Итого в конце декабря у тебя будет десять дней. В это время я имею право предоставить тебе оплачиваемый отпуск. Плюс дорога поездом туда и обратно. Итого две недели. Если полетишь самолетом, то выиграешь несколько суток. Других вариантов я не вижу. Подъемные ты, конечно, жене отправил?

– Большую часть и аванс за этот месяц.

– Значит, денег у тебя даже на поездку поездом нет.

– За оставшееся время, а это целых три зарплаты, приобретешь финансовую устойчивость и спокойно отправишься к семье. Ты согласен с моими доводами?

– Да.

– Ну, а сейчас иди, занимайся своими медицинскими делами.

Вечером в общежитии Игната поздравили бывшие однокурсники, и была шумно распита бутылка шампанского.

Тот период в жизни, который дети не в состоянии запечатлеть в сознании в силу своего младенчества, их родителям помнится до мельчайших подробностей.

НЕ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

На руках у Камского осталась только ручная кладь, чемодан уже был сдан. Грузчики, люди грубые и простые, как сама жизнь, с вещами пассажиров обходились весьма жестко, перебрасывая их с одного транспортного устройства на другое. Коричневый чемодан Игната, прочертив подобно болиду в воздухе дугообразную траекторию, с коротким тупым звуком внедрился между прочими баулами. «Рейс Семипалатинск-Москва задерживается по техническим причинам на два часа» громко послышалось в динамиках аэропорта сообщение диктора. Время словно остановилось. Игнат вернулся в зал ожидания и сел на свободное место. Он на некоторое время закрывал глаза и медленно считал про себя. Затем смотрел на часы – проходило всего две-три минуты. Он повторил этот прием несколько раз. Вскоре Игнат довел слепой период ожидания до пяти минут. Когда он смежал веки, ему представлялся домик и сад, где жила Сильвия, ее комната, она сама и спящая запеленатая новорожденная девочка с выражением лица, как на фотографиях, которые он получил в последнем письме. В доме с печным отоплением и сквозняками Дарья несколько раз температурила, и к Сильвии приходил участковый врач. Какая-то внутренняя скрытая тревога не отпускала Игната. Она таилась в области сердца, порой расширялась, захватывая всю

грудную клетку, подступая к горлу, мешая сосредоточиться. Он вытянул правую руку, разжал пальцы и заметил, что они дрожат. Игнат проделал то же с левой рукой – результат был аналогичным. «Странно, я никогда так не волновался», – подумал Камский. Прошло два с половиной часа. Вновь голос диктора: «О времени посадки в самолет Семипалатинск-Москва будет объявлено дополнительно». Эхо сообщения тут же угасло в углах здания аэропорта и сменилось звуковым фоном передвижений и реплик пассажиров. Иногда этот фон пронзал детский плач и команды женщины, орудовавшей шваброй. Наконец опять нужная информация: «Вылет самолета Семипалатинск-Москва задерживается до двадцати одного часа». Напротив Игната сидел мужчина, также ожидавший рейс на Москву.

– Да, просто экипаж решил отоспаться в гостинице! – раздраженно прокомментировал он сообщение из репродуктора и взглянул на лейтенанта Камского. Затем, не дождавшись поддержки или опровержения своей версии, продолжил. – Со своими стюардессами расслабляются, а мы тут торчи!

– А, может, самолет неисправен? – предположил Игнат.

– Наш самолет давно прибыл и стоит возле взлетной полосы. Я видел со второго этажа, как его заправляли.

– Вы так уверенно об этом говорите!

– Потому что сам работаю в гражданской авиации.

Наступила молчаливая пауза. Некоторые из пассажиров подходили к окну дежурного по аэропорту и начинали из-

ливать свое недовольство и раздражение по поводу задержки вылета. Дежурной была молодая женщина в форменной одежде с погонами. Она спокойно и с высоким летным достоинством успокаивала возбужденных людей. Игнат начал прохаживаться по зданию аэропорта, внимательно изучая все надписи, плакаты, изображения, орнаменты, витрины. И тут радостное: «Пассажиры рейса Семипалатинск-Москва приглашаются на посадку!» Игнат еще с тенью сомнения в душе направился в зону посадки и встал в очередь. И вот он уже стоит вместе с массой попутчиков в помещении, названном странным неодушевленным словом «накопитель».

Подошел автобус и отвез всех к трапу самолета. Было холодно, ветрено и темно, мела поземка, мелкий падающий снежок завивался ветром и повисал на архитектурных излишествах строений. В салоне самолета Игнат оказался рядом с человеком, с которым разговаривал накануне. Тот сидел слева рядом с иллюминатором. Справа от Камского расположилась пожилая дама с париком на голове. Вышла молоденькая стройная стюардесса и объявила: «Уважаемые пассажиры, пожалуйста, пристегните ремни!» Затем, проверив исполнительность, исчезла за перегородкой. Самолет вырулил на взлетную полосу, притормозил, присел, дал керосина двигателям, затем начал быстрый разбег и легко поднялся в воздух. Снаружи была непроглядная тьма ночи. Вскоре пассажиры задремали. Игнат, утомившись за день, уснул мгновенно. И вдруг через какое-то время он почувствовал переме-

ну в обстановке. Открыв глаза, Игнат увидел, что с левой стороны в иллюминаторы льется странный оранжевый свет. «Неужели солнце!?» – подумал он и нагнулся к стеклу. Левый двигатель самолета был объят пламенем. Поток воздуха сбивал огненные языки и они, дрожа и прижимаясь к корпусу двигателя, ускользали к крылу. Нечаянно Игнат задел руку работника гражданской авиации и тот проснулся. Заметив, что его сосед неотрывно смотрит в иллюминатор, он тоже повернул голову к источнику свечения за бортом самолета. В одно мгновение его лицо приобрело зловещее выражение посмертной маски, но быстро овладев собой, и, взглянув на Игната, он приложил указательный палец правой руки к губам. Показалась стюардесса бледная, как лист бумаги. Пассажиры спали. Она встретилась взглядом с Игнатом. В ее взоре было отчаяние, страх и, возможно надежда. Она тоже сделала жест, означавший необходимость соблюдения молчания. «Странно, – подумал Игнат, – меня весь день терзало какое-то холодное щемящее сердце предчувствие, а сейчас его нет». В душе была спокойная уверенность. Все происходящее казалось будничным и банальным. Он снова стал смотреть в иллюминатор. Сквозь пламя начали пробиваться белые, пушистые, как пена или сахарная пудра, сгустки, полосы, они сливались между собой, вытесняя огонь в пустоту пространства. И вскоре тот погас. В момент вспышек сигнальных огней на корпусе двигателя и крыле были видны черные пятна и полосы, оставленные пламенем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.